

С. В. Герасимова (Ижевск)

К проблеме разграничения сложного слова и словосочетания в удмуртском языке

1.0. В удмуртском языке, как и во многих финно-угорских языках, словосложение, наряду с аффиксацией, занимает ведущее место в образовании новых слов, в обогащении словарного состава.

О данном способе словообразования в удмуртском языке в свое время писали Ф. Й. Видеманн [1851], Т. Г. Аминофф [1896], И. В. Яковлев [1927], А. И. Емельянов [1927].

1.1. Ф. Й. Видеманн отмечал сложность в правописании сложных слов. Сложные слова, образованные из двух существительных, каждый из которых сохраняет свое ударение, по Видеманну, следует писать раздельно в двух случаях:

1) когда первый компонент конкретизирует второй и выступает в качестве определения (атрибута). Исследователь иллюстрирует данное положение на следующих примерах*: *субботá нунал* 'субботный день', *луд муш* 'дикая пчела', *аран дыр* 'жатвенная пора', *шай гу* 'могила', *вень пель* 'игольное ушко' и т. д.;

* Примеры даны в современной транслитерации.

2) второе, когда рядом стоящие существительные оформлены без соединительного союза и как бы образуют одно целое. При этом исследователь отмечал, что в таких сочетаниях оба слова могут склоняться. В качестве примеров приводит следующие сочетания слов: *айы мумы* 'родители' (букв. отец, мать), *силь вир* 'тело' (букв. мясо, кровь), *вын нюнь* 'братья' (букв. брат, брат), *ныл пи* 'дети' (дочь, сын), *сион юон* 'еда, обед' (букв. еда, питье) [Видеманн 1851: 257–258].

1.2. Т. Г. Аминофф указывал на изобилие сложных слов в удмуртском языке и по способу словообразования подразделял их на подчинительные и сочинительные типы [Аминофф 1896: 21].

1.3. И. В. Яковлев в “Удмурт кылрадъян” [1927] также говорил о двух типах композит, которые различаются по способу написания: слитно или через дефис. По мнению автора, сложные слова следует писать через дефис, если части композиты могут по отдельности изменять окончания и вместо дефиса можно поставить союз *но*, например: *сион-юон* 'еда', *дйсь-кут* 'одежда', *дзрем-эрезь*, *айы-мумы* 'родители', *писту-турын* 'растение', *тёл-гён* (примеры даются по источнику). Если вышеназванных возможностей нет, слово следует писать вместе, например: *гидказь* 'двор', *кёснал* 'суббота', *ваньбур* 'добро', *корка* 'дом' [Яковлев 1927: 10–11].

1.4. Широкое распространение “словообразования путём механического сочетания нескольких слов в вотском языке”, по мнению А. И. Емельянова, обусловлено тем обстоятельством, “что взаимное отношение между словами в вотском языке может быть выражено и без помощи грамматических суффиксов, одною только постановкою слов одного подле другого.” [Емельянов 1927: 58].

Исследователь также отмечает, что “во всех сложных словах слово, стоящее в конце, имеет значение управляющего слова, а слово, ему предшествующее, – подчиненного” [Емельянов 1927: 59]. При этом у Емельянова мы не находим чёткой классификации сложных слов.

2.0. Исследователи словарного состава удмуртского языка второй половины XX века [Алатырев 1959; Вахрушев 1959; Соколов 1993–1997; Тараканов 1997–1998] по смыслу и синтаксическому взаимодействию компонентов различают два типа сложных слов: сочинительные и подчинительные.

2.1. В современном удмуртском языке преобладают новообразования-существительные подчинительного типа. В таких словах в качестве первого компонента могут выступать именные ос-

новы, логически воспринимаемые как дополнение или как определение.

2.1.1. В двучленных композитах подчинительного типа (дополнение) в качестве второго компонента большей степенью выступают глагольные основы, которые имеют суффиксальное оформление, например: *ужбергтон* 'предпринимательство', *вирзйбет* 'кровяное давление', *кылберыктйсь* 'переводчик', *кыллюкам* 'словарь' и т. д.

2.1.2. В сложных словах подчинительного типа (определение) в качестве второго компонента выступают существительные с суффиксами и без них, например: *асэриклык* 'суверенитет', *куаратйрлык* 'фоника', *лулчеберет* 'духовная красота', *шоркар* 'столица', *инишаер* 'галактика', *азьмурт* 'президент', *кунпус* 'герб', *кылсуред* 'образ', *лулсй* 'нерв' и т. д.

2.2. Новообразования-композиты сочинительного типа в современном удмуртском языке встречаются редко. Чаще всего компонентами таких неологизмов являются слова, синонимичные по значению, например: *лыдъян-чотан* 'смета', *отён-эсуткан* 'агитация', *пачыллык-узырлык* 'изобилие', *курон-косон* 'заповедь', *мед-кузьым* 'награда, воздаяние' и т. д.

2.3. Большинство новых слов, образованных путем словосложения, являются двучленными композитами. Сложные слова, состоящие из трех и более основ, единичны. Например: *юньюрткар* 'крепость', *йылпумкыл* 'вывод', *инсьөрму* 'планета', *инсьөр-уло* 'вселенная'.

3.0. Словосложение в удмуртском языке в большинстве случаев осуществляется путем простого сложения компонентов, которые в отдельности представляют самостоятельные слова и при образовании нового слова не претерпевают никаких изменений, по этой причине часто появляется трудность разграничения сложного слова и словосочетания.

Из-за отсутствия единых принципов правописания возникают несовершенства в орфографии. Одни и те же слова на страницах газет и журналов могут быть написаны то слитно, то раздельно. В основном эта проблема касается новообразований-композит подчинительного типа.

4. 0. Из работ, посвященных вопросу соотношения сложных слов и словосочетаний в пермском языкознании, можно выделить работу В. С. Зимина [1981], в которой автор, ссылаясь на исследования И. Батори [1967] по данной проблеме, обращает внима-

ние на общие принципы классификации сложных слов и на методологии выделения и решения проблем словосложения. Исследователь отмечает, что И. Батори при классификации сложных слов опирается на семантические принципы, тем самым усложняя его. По мнению В. С. Зимина, при рассмотрении проблемы соотношения сложного слова и словосочетания и при их дальнейшей классификации, целесообразно опираться на исследование М. Д. Степановой [1962], которая делит все сложные слова на цельнонаправленные и раздельнонаправленные. К цельнонаправленным словам относятся сложные слова, обладающие следующими признаками: 1) расхождением семантической мотивированности сложного слова и его значения, что подчас ведёт к невозможности трансформации сложного слова в синтаксическое словосочетание; 2) целостным обозначением сложным словом того или иного предмета, явления; 3) отношением цельнонаправленных слов к устойчивым слоям лексики.

В отличие от цельнонаправленных слов раздельнонаправленные сложные слова синонимичны свободным сочетаниям, составленным из опорных слов соответственно моделям их образования.

5.0. Данная проблема является актуальной и для других финно-угорских языков. Так, например, исследователь марийского литературного языка И. Г. Иванов [1994: 170] указывает на наиболее простой способ распознавания композит в марийском языке – ударение. В сложном образовании подчинительного типа ударение только одно и падает всегда на его второй компонент.

5.1. Г. И. Лаврентьев [1984: 159] подчеркивает, что семантика сложных слов заключается в смысловой спаянности и некоторой суммарности составляющих компонентов. Сложное слово представляется как одна единица, обладающая семантическим единством и цельнооформленностью. Под семантической цельнооформленностью понимается лексическое единство сложного слова, соответствующее определенному предмету или явлению действительности.

5.2. Для решения рассматриваемой проблемы Ю. В. Андуганов [1986: 66–75] предлагает следующие синтаксические критерии разграничения сложного слова от словосочетания:

1) характерным свойством сложного слова, отличающим его от словосочетания в синтаксическом плане, является невозможность перестановки составляющих компонентов;

2) если части словосочетания в составе предложения могут располагаться дистантно, то составным частям сложного слова не свойственно такое синтаксическое расположение;

3) части сложного слова не могут вступать в самостоятельную синтаксическую связь с другими словами;

4) рассматриваемые языковые единицы, употребляющиеся в современном марийском языке то в слитном, то в раздельном написании, в предложении выполняют одну синтаксическую функцию.

6.0. Опираясь на вышеизложенные критерии семантического, акцентологического и синтаксического плана, сложные названия, образованные из нескольких элементов, преимущественно двучленные, рассматриваются как композиты.

По нашему мнению, данные критерии также можно принять за основу при правописании сложных слов и словосочетаний в удмуртском языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алатырев В. И. Основные пути и способы развития лексики удмуртского языка // Вопросы удмуртского языкознания. Т. 1. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. С. 6–40.

Алатырев В. И. Парные сложные слова // Ученые записки Карело-Финского университета. 1946. Т. 1. С. 57–87.

Андуганов Ю. В. Синтаксические критерии разграничения сложного слова и словосочетания в марийском языке // Марийская филология: Межвуз. сб. науч. тр. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1986. С. 66–75.

Вахрушев В. М. К вопросу развития лексики удмуртского языка // Записки Удм. НИИ. Вып. 19. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. С. 167–217.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР. Ленингр. восточный ин-т им. А. С. Енукидзе. Л.: Изд-во Ленингр. восточного ин-та, 1927. 160 с.

Зимин В. С. К вопросу о соотношении сложных слов и словосочетаний в коми языке // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка): Межвуз. сб. науч. статей / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1981. С. 24–35.

Иванов И. Г. Проблема обогащения марийского литературного языка на современном этапе // Volgalaiskielet muutoksessa. Volgalaiskielten symposiumi Turussa I, Turku, 1994. С. 164–180.

Лаврентьев Г. И. Состав слова и словообразование в современном марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. С. 156–170.

Соколов С. В. Сюресъёс но амальёс уно // Кенеш. 1997. № 5. 52–53-тй б.

Соколов С. В. Удмурт нимкыльёс: будон спорсьёссы но амальёссы // Вордскем кыл. 1993. № 4. 63–68-тй б.

Степанова М. Д., Чернышова И. И. Лексикология современного немецкого языка. М., 1962.

Тараканов И. В. Кылмылэн азинскемез сярысь малпанъёс // Кенеш. 1997. № 2. 50–54-тй б.

Тараканов И. В. Возникновение, развитие удмуртского литературного языка и пути обогащения его лексики в современную эпоху // Бюллетень № 1 / Республ. терм.-орфогр. комиссия по удм. языку при Председ. Гос. Сов. Удм. Респ. Ижевск, 1998. С. 110–117.

Яковлев И. В. Удмурт кылрадъян. Ижевск, 1927.

Aminoff T. G. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos // JSFOU. 1896. 2 (XIV). P. 1–48.

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys (= SUST 238). Helsinki, 2000. S. 124–125, 139.

Bátori I. Wortzusammensetzung und Stammformverbindung im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Votjakischen. Göttingen, 1967.

Wiedemann F. J. Grammatik der votjakischen Sprache nebst einem kleinen votjakisch-deutschen und deutsch-votjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. S. 390 S.